

НА НЕДАВНО СОСТОЯВШЕМСЯ книжном фестивале "Красная площадь" одним из значимых отмененных там литературных произведений стала книга Алексея Шорохова "Бранная слава". Первое, чем удивляет она, — название. Уже в нём — новый ракурс. "Бранная слава" — словно взгляд из XIX, а то и XVIII века, с их духовным неразменным золотом, имперским пафосом завоевания пространств, истовой верой в богоданность государей... Как будто поднявшимся вдруг ветром истории выдуло всё наносное. И вот он вновь, очищенный от всех лукавств века нынешнего — бизнес-интересов, социальных и экономических хитро-сплетений, — русский человек. Позади трон, впереди враг. Всё предельно ясно.

Хотя не всё так просто. Зная Алексея Шорохова прежде всего как современного большого русского писателя, тончайшего поэта, уже в названии ищешь подтекст. В чём же они? Читавшему русскую литературу последних десятилетий (а впрочем, столетий) первой приоткрывается ирония. "Болезнь иронии" — так диагностировал русскую литературу Александр Блок ещё в первой четверти XX века. Но что гадать, когда можно просто открыть книгу...

СЛАВА РОССИИ

Точно! Манкое и ёмкое название — как отправная точка, счастливо опроставшаяся мамкина утроба. Да, и ирония там, а точнее — её сплав с болью и горечью. На всё это Алексей Шорохов имеет право. И на иронию, даже сарказм, замешанный на солдатских солёных шутках, а тем более на боль и горечь — истинные, страшные. Шорохов год воевал, ушёл на СВО добровольцем, был ранен. А перед этим много лет колесил по ДНР и ЛНР с гуманитарными "буханками", являясь организатором и участником проекта "Буханка для Донбасса", читал свои стихи бойцам и жителям республик...

Собственно военную повесть (так обозначил жанр сам автор) "Бранная слава" предварают несколько рассказов. Они тоже военные по месту действия и проблематике, рассказывающей о себе устами и поступками своих героев.

Повесть "Бранная слава", давшая название всей книге, возможно, более автобиографична, чем рассказы. Начинается она с разрыва американской корректируемой бомбы, после чего дом, где заняли позиции бойцы отряда "Вихрь", "слопился в пыль, в труху". Главного героя повести, Егора Акимова, как и Алексея Шорохова в июле 2023-го, вынесло взрывной волной, осталось чудом жив, но впереди — госпиталь. Потом — работа над военной повестью, которую мне почему-то хочется назвать романом. настолько богата, ярка галерея образов "Бранной славы". И одновременно — сложна и таинственна. Столько в ней переплетённых сюжетных линий, пусть явленных предельно лаконично, с воинской командной чёткостью сформулировано. Столько непростых людских путей, духовных — вверх, и замутнённых — вниз, со свистом.

Плеяда истинных героев "Бранной славы" в повести, по сути, продолжает строй литературных образов, данных в рассказах...

Макс — несмотря на контузию, отпавший из обломков Аким. Потерявший память, но дословно помнящий все православные молитвы (до войны был altarником в храме).

Соболь — мотая уже третью войну, вывозит раненых друзей из-под обстрела, уже сам раненый смертельно. За рулём "таблетки" он положил душу за други своя. Кровь, которую он и не пытается остановить, "вытекающая из него, протупляющая красными густеющими полосами на камуфляже" — и есть его молитва. Это она "спасла всех наслах перебитованных доходяй в салоне".

"Очень, очень немногие могут подняться до такой молитвы.

Соболь поднялся. И застыл на её вершине".

Многие герои "Бранной славы" — суть истинные герои России, которым нам предстоит гордиться десятилетиями. Бог даст — и веками. И не только нам, а человечеству. Потому что, несмотря на жуть крошечную предательски-торговую за их спины, они — там — ведут себя как люди. Потому что там они — как петровские рекруты из крепостных, как суворовские чудо-богатыри, партизаны в лесах 1812 года и голландские бойцы компаний XX и XXI веков — воюют за какую-то ещё не явленную им настоящую Россию. А чтобы та явилась "во всей славе своей", эту всё-таки надо спасти!

Более сложный герой — Яша. Самоотверженный российский воин, сначала стрелок БМП, затем, когда башню бронемашин сорвало (слава Богу, успел Яша

отбежать), продолжил воевать в пехоте. Вот там после укропского обстрела упавший без сознания Яша попадает в плен.

Автор извбавляет читателя от натуралистических подробностей пыток, которыми "славятся" азовцы". Но вот картина разминирования при помощи "живого мяса" (то есть пленных), которое азовцы, как и их "духовные отцы", эсэсовцы Второй мировой, практикуют в Донбассе, впечатляет.

Яша чудом выживает, когда на mine подрывается его "товарищ по несчастью". Яшу спасают — выносят из-под обстрела разведчики...

Волею судьбы из госпиталя Яша попадает прямоком на телевидение. Со временем становится завсегдатаем армейских ток-шоу. Поначалу раненый боец не понимает, в чём собственно его героизм на минном поле состоит? Куда более полезными и героическими ему представляются позиционные бои, вывоз "трёхсотых" под огнём...

Но журналистам ТВ лучше знать, как формируются рейтинги программы. И Яша на инвалидной коляске, раз от раза всё более красочно, добавляя от скуки новые подробности, живописует свой путь по минному

полю. Молодецкие оценки штатных экспертов — мол, "наши ПВО нарезают шаммеры как колбасу", Яшу почти уже не возмущают. Слушая инструкции хорошенкой ведущей и просто перемолвки рядом (какие темы на ток-шоу можно поднимать, а какие нежелательно, или вот... как сына телеведущей отмазать от армии?...), Яша проваливается всё глубже в вязкую трясину лицедейства, фигур умолчаний и виртуозных софизмов, диванного пафоса и закулисной возни. Куда заведёт этот путь Яшу — ещё вчера отважного и честного бойца, — автор умалчивает: в отличие от боевого опыта, возможно, ему ещё недостаёт стажа ток-шоу и соответствующих наблюдений. Но обрисовано уже весьма ощутимо — путь этот скользок.

Как и рассказы, повесть "Бранная слава", конечно, не могла остаться без повывости и зыбкой линии любви. Во второй части повести — преимущественно мирное пространство, так сказать, глубокий тыл. И нагнавшая на Егора, пронзившая его любовь — на белом пароходе, выплывшем как будто из советского кино мечты. Наш герой, конечно, несвобожен — "глубоко женат", с детьми, незадолго до путешествия на пароходе, то есть до встречи с влюбившейся в него юной Дашей, сталкивается с предательством близкого человека. Казалось бы, микропредательство — сегодня же всё "микро": микрокредиты, микролипы, микроимпульсы, но все эти "микро" совершают дельные колоссальные, формируя микрочеловека, обречённого на полное слияние с микромиром (с его рейтингами от амёб и инфузоров в тубельках "от лабутаена" и с прочими семейными простейшими).

Но любовь героя войны света с тьмой, встреченная им в отпуске по ранению, несказанна и чудесна. А "чудо есть чудо, и чудо есть Бог. Когда мы в смятении, тогда сразу разброе оно наступает мгновенно, врасплох". Даша тоже из зоны СВО, из разрушенного Мариуполя. Родители погибли при бомбёжке, соседку расстреляли нацики...

Они сразу отличили друг друга в толпе отдыхающих — по израненной руке, подбитой душе. И, проплывая мимо древних городов и весей — Ярославля и Мышкина, Костромы и Ипатьевского монастыря, Егор рассказывает Даше бескрайнюю историю российского царства, словно бесконечно объясняет сам себе, за что воюет в Новороссии, какое именно бессмертие с детства распаивается перед ним.

Но и Даша — не высокий дух её, не душа, израненная киево-саксонским безразличием и злобой, а брэнное её существо (ну то есть и душа) — не может противиться вполне конкретному, сегодняшнему тыловому бытию. У неё, вполне себе по Марксу, бытие определяет сознание. А значит, попрощавшись с Егором, уже неспособная его позабить никогда, на московской пристани Дашенька съедет в роскошную такчу успешного коммерсанта и отправится на весьма комфортную микропланету, орбита которой ни с кровью Донбасса, ни с синими "кругами ада" на территории бывшего СССР совершенно не соприкасается (в этом тоже фатум нынешнего мирового бытия, зверино-рыночного, обоглавленного и разорвавшего нашу страну с циничным хохотком и до сего дня отнимающего у нас души и надежды, само званье человеческого).

Егор, православный воин, вылетит ещё и Дашу, и себя в возрождённый, как птица Феникс из пепла, Дашин родной Мариуполь.

"На месте руин росли новенькие, чистенькие микро-районы, залатывались и стеклились выжженные дея-

тизатжки, блестел и дрожал в прощальном сентябрьском мареве свежий асфальт на улицах...

— Посмотри, любимая, город из своего покорёженного, опалённого нутра, из закопченных поломанных рёбер выпалкивает наружу новую, неубиваемую жизнь!"

Этими словами Егор воодушевляет Дашу, терпеливо старается возжечь в её сердце прежний духовный огонь, ещё не ведая, что "новая, неубиваемая жизнь" уже и в ней. Поэтому она так чутко и прислушивается к себе... Это его и её ребёнок, зёрнышко нового мира, новороссийской планеты. То есть самой русской. И как же хочется, чтобы эта новая планета, новая русская жизнь изначально становилась на крыло, не зная страха, лжи, угроз смертельных!...

Как же страшно, что тот, кто столько лет почти бесшумно, прагматично, миллиардно барыжит на смертях и разрушениях, тоже знает о "неубиваемости жизни". И эта неубиваемость зверю на руку. Он знает, что его завтрак и обед, и ужин вечны.

Так убаем же зверя.

Вот, на мой взгляд, главная мысль книги. Он силён и хитёр. Но он, в отличие от нас, не вечен. Убаём же зверя!

После "художки" в книге "Бранная слава" представлены статьи и очерки Алексея Шорохова 2015–2022 годов, сведённые под общий заголовок "Новороссия". Здесь отклики автора на множество знаковых событий этих лет, культурных, политических, на книги и фильмы, трагедии и торжества... И хоть прошло почти десять лет с написания первой из этих статей, до сих пор бросается в глаза их актуальность. Отчасти это объясняется тем, что на многие поставленные автором вопросы нет до сей поры ответа общества и государства, включая его "культурные департаменты" (именно им свои вопросы Шорохов адресовал). Объяснение "неисследованности актуальности" и в том, что предельно конкретные "информационные поводы" Алексей Шорохов в своих суждениях возводит к вечным вопросам бытия и духа. Так что скорого ответа ожидать здесь было бы наивно.

Сборник очерков "Новороссия" продолжает "Фронт-овой дневник", который замполит диверсионно-разведывательного отряда "Вихрь" Шорохов вёл уже "на передке". Здесь всё предельно лаконично, даже скупое: только о существенном, плановом. Но вот оказия — русский художник, писатель и публицист явлен и здесь. Поэтому дневник читается взахлёб.

В самом конце книги — стихи. Не для того, чтобы напомнить, что автор — поэт, а чтобы не сбили ритм прозы. А главное — чтобы последний аккорд книги был максимально слит с грозным названием "Бранная слава", чтобы "произвёл одноудар", как Сергей Есенин — ставшая учеником — немногие, которые успели прийти. Ведь эта небольшая стихотворная подборка — тоже о войне. То есть о любви и жизни в максимальной близости от смерти. То есть — о вечности. О вечных смыслах жизни, смерти и войны.

Эти стихи, заключающие книгу, становятся царственным, победным гимном всем героям СВО, погибшим и живущим. Горячей молитвой за них. В стихах Алексея все они стоят рядом: павшие и живые, сражавшиеся за родную землю в отремевших войнах и сегодня. Вот сейчас.

*...Что же нас встретит на древнем
И бесконечном мосту?
Домик над рекой в деревне?
В детстве уроненный стул?
Жизни мелькнувшей начало...
Тёмные улицы извне...
...Старый отец у причала
С парнем, соевшим в броне.*

Как ни хочет быть порою надсоциальным державником Шорохов, он не получается у честных и больших писателей такие шутки. И автор даже против воли — социален, потому что безотчётно честен как художник.

*И кроме небесной отчизны
И дедов, таранивших сталь,
Что есть у них, без укоризны
Глядящих в родимую даль?..*

А надо, что было!
Зменяя Отчизна — она с настоящей, а не барыжной любовью. Она для человека. Ради человека. Причём каждого, а не только с миллионом ие, в кармане. Она с настоящими людьми, а не микрофлорными смыслами. Да вот хотя бы с теми, которые у "дедов, таранивших сталь" и полетевших в космос, были.

* Члены запрещённой в РФ террористической организации "Азов"

Михаил КРУПИН
**Печатается в сокращении,
полный текст — на сайте zavtra.ru**

ОБОРВАННАЯ МЕЛОДИЯ

В редакцию газеты "Завтра" обратилась читательница, дочь участника Великой Отечественной войны, имя и фамилия отца которой совпадают с именем и фамилией одного из наших постоянных авторов — Геннадия Шангина. Она передала в редакцию заметку отца о событиях лета 1942 года. Заметка была написана в 1971 году, но осталась неопубликованной.

Лейтенант Геннадий Шангин прошёл всю Великую Отечественную авиамехаником, готовил самолёты к боевым вылетам, мог полностью собрать и разобрать самолёты нескольких типов. За всю войну подготовленные им боевые машины не имели ни одного технического сбоя. Награждён двумя орденами Красной Звезды, другими орденами и медалями. Был дважды тяжело ранен.

После войны продолжил службу. Вышел в отставку в звании подполковника. Работал преподавателем Московского энергетического института, подготовил ряд учебных пособий по оборудованию летательных аппаратов, одно из которых можно найти в Ленинской библиотеке.

Краткая информация о Геннадии Шангине есть на сайте Музея Великой Отечественной войны в парке "Патриот" в Кубинке.

В канун 83-й годовщины начала Великой Отечественной войны предлагаем вниманию читателей заметку инженера-подполковника Геннадия Павловича Шангина.

ШЛО ЛЕТО 1942 ГОДА. Наш ИАП (исстребительный авиационный полк) базировался на полевом аэродроме недалеко от Ельца и действовал на Воронежском фронте.

Очередной день выдался погожим, и самолёты ушли на выполнение боевого задания. Лейтенант Николай Карайский оказался "безлошадником": двигатель на его самолёте, как любящий выражаться авиатеchnики, "баракхлил". Удобным случаем решил воспользоваться механик по радио и снял с самолёта радиоприёмник, чтобы подладить его. Двигатель вскоре исправили.

С Колей Карайским я познакомился ещё на Калининском фронте, как с человеком, который воюет с музыкой, то бишь неразлучно со своей скрипкой. Мне часто приходилось быть в роли слушателя его скрипичной игры, слушателя подчас притихшего, растроганного, благодарного. Музыка сблизила нас.

Вот и в этот день, после вылета самолётов, Карайский негромко играл в палатке. Проходя мимо, я не удержался от искушения заглянуть к нему и попросить сыграть накоротке что-либо по "заказу". "Коля, можешь нашу любимую? Давай только чутьчуть переимчимся". "Песнь твою лети с любовью тихо в час дневной". Ну, лети... "

В изрядно послужившей, обшарпанной палатке забиллись чистые, дивные звуки "Ночной серенады" Шуберта. Вдруг вызов: "Лейтенант Карайский, к нам штаба".

В штаб пришло сообщение, что примерно над Ельцом наш самолёт ведёт бой с тремя "мессершмиттами". Карайский получил задание проверить воздушную обстановку перед возвращением наших самолётов и попутно, если успеет, помочь нашему лётчику в бою над Ельцом.

Карайский быстро сел в кабину, запустил пару раз "чихнувший" для порядка двигатель, закрыл фонарь. Немолодой механик снял струбцины, тормозные колодки и махнул рукой для отправления, на вздохе прошептал: "Удачи, сынок".

ЯК-1 Карайского, укутывая аэродром пылью, уже рулил к взлётной полосе. Перед взлётом самолёт даже не остановился, а прямо с рулёжки помчался на взлёт. Карайский сразу же взял направление на Елец. А со стороны Ельца, словно беснующиеся мошки на фоне неба, уже проглядывались четыре самолёта и почему-то постепенно двигались в направлении нашего ЯК-1.

В штаб полка пришло новое сообщение: в районе Воронежского фронта возможно появление небольших групп немецких асов-истребителей, один из которых летает на самолёте советского производства. Разыгрывают обманные провокационные бои "советского" самолёта с немецкими с целью привлечения и уничтожения вступающих в бой отдельных советских самолётов.

Сообщение, как беглый огонь, передавалось из уст в уста людей, находившихся на аэродроме. Была предпринята попытка об этом передать по аэродромной радиции Карайскому, но "семёрка" ничего не отвечала.

Тем временем наш ЯК-1 уже вошёл в зону действия огня самолётного оружия. Наблюдатели происходящего перестали между

собой говорить. Воцарилась напряжённая тишина. Люди, вписавшие в небо глазами, полными тревоги, затаили дыхание. Казалось, все слышали, как бьются их сердца.

В НЕБЕ НАЧАЛСЯ БОЙ. От хрестоматийного, ленивого боя четырёх самолётов с элементарными боевыми маневрами, пике, горками не осталось и следа. Врезавшийся в группу ЯК словно подхлестнул четырёх лётчиков. Был принят характер жёсткого смертного боя.

Воздушный бой трудно описывать. Его надо видеть при всех недремлющих человеческих чувствах. Надо видеть, как самолёт, с замедлением поднимающийся вверх над вражеским, вдруг почти останавливается в верхней точке, переворачивается на крыло и по-орлиному камнем, под оглушительный стрёкот пушек и пулемётов бросается на самолёт противника.

Наблюдаемый бой был скоротечной схваткой. После очередной атаки Карайского в сторону фронта со снижением потянул "Мессер". На аэродроме кто-то не выдержал и крикнул "Ура!" Но вскоре самолёт, похожий на наш "Ишачок" (так в авиации называли И-16) с перехвата резко завернул в хвост ЯКу. "Уходи, уходи", — слышался чей-то молитвенный шепот. Люди уже догадались, что на И-16 лётчик не наш.

Но в тот же момент послышалась стрельба. Самолёт Карайского пошёл постепенно вниз, оставляя в чистом небе лёгкий дымчатый шлейф. Потом самолёт скрылся за лесом...

К вечеру на стартере привезли тело Карайского, завернутое в брезентовый чехол, и спустили на землю. Дурной полковой лёл уплущил момент, чтобы потянуть за край чехла. Обнажилась буро-углистая голова с владными глаз и особенно белые на её фоне зубы. Ударило смрадным запахом горелого мяса (вот как выглядит и пахнет один маленький кусочек войны).

На похороны Карайского смогли приехать мать с родственницей (матерям на Земле уготовано всё выдержать). Прихватили также трёхлетнюю дочку Карайского: не с кем было оставить.

Прошло уже 30 лет, но я до сих пор памятью вижу эту женщину, с глазами, полными безмерной скорби. Слез уже не было, было застывшее отчаяние, полная отрешённость. Прибывшая крышка гроба лишила её последнего "горького" счастья — видеть сына хотя бы мёртвым.

На следующий день после похорон по поручению комиссара полка я пошёл в деревню мимо могилы Коли разыскивать его мать, чтобы передать ей скрипку сына. Мать была на могиле, пришла прощаться. Положила на холмик букет полевых цветов. В это время из деревни приближала её внучка. "Бабушка, а мне можно посадить цветочки?". "Можно, внученька". Девочка воткнула в холмик цветы, не зная, что это цветы на могилу её отца. Бабушка отвернулась и заплакала.

Все заготовленные слова участия мне показались пустыми и ничтожными. Я, с трудом выдавливая слова "Это Колин", передал ей скрипку. И на мгновение, собрав всю силу воображения, увидел его живым, играющим "Серенаду" Шуберта.

В ИЮНЕ ЭТОТ раскидистый куст шиповника весь пылает, плещет алым цветом...

Холодными зорями ясными каплями повисает роса на лепестках, и когда подует ветер, то дождём льются с куста на серую землю слёзы. По ком ты плачешь, шиповник?

День 22 июня 1941 года огорошил и привёл в ступор жителей села Гурь (Гурь), что под Минском, — на нашу советскую страну вероломно и без объявления войны напала фашистская Германия! Сёстры Дубовики зацепались на кухне у огромной белёной печи: что же тепер будет? Село испуганно притихло... А через несколько дней мимо уже ехали по железной дороге фашистские военные эшелоны, по дорогам вокруг села трещали немецкие мотоциклы, рокотали танки, на броне которых, показывая на испуганных селян пальцем, готчала полуголая солдатыня.

Началась немецкая оккупация.

...Брат Антось был первым, самым старшим, родился он в спокойном и тучном 1907 году, когда ничто не предвещало кровавые росы и багровые зарева на полнеба. Пришёл Антось в этот мир в июне, 14 числа, ког-

да пышно цвёл шиповник, когда залиvisto манил в рощи соловей, а кукушка обещала всем долгие и безбедные годы. Появился Антось на этот свет в Крылово, селе или застенке по-старому.

Воевать Антон начал раньше, чем учиться. И на всю жизнь остался военным. Призван он был Заславским РВК Минской области, зачислен в 241-й стрелковый полк. Паренёк сымалазавсеа любил лошадей и умел с ними ладить. Потому его отправили курсантом на обучение в Окружную школу кочевных кузнецов города Москвы.

В 1930 году, когда Антосю исполнилось 23 года, вручили ему удостоверение коваля (кузнеца) и зачислили в особый кавалерийский эскадрон Народного Комиссариата обороны (НКО).

Только в 1930-х годах Антон смог получить среднее образование, поступил в 1930 году в вечернюю среднюю школу № 28 в

Москве. Учился хорошо, со рвением и окончил восьмилетку с отличием.

А в марте 1939 года случилось событие огромной важности для Антона — его приняли в члены ВКП(б). Он продолжил обучение в автомеханическом техникуме, при этом являясь бойцом Красной Армии. Когда премудрости техникума были наконец освоены, Антон, сделавший к тому времени отличным механиком, перешёл от лошадей к премудростям старшего шофёра автобазы хозтабеля ЦУ НКО СССР, затем переведён был на должность старшего механика автобазы Главного штаба СВ (Сухопутных войск) СССР. До войны Антон, уже Михайлович, работал механиком-водителем, променяв бархатных коней на рычащие автомобили. Но лошадей не забывал, захаживал к ним по старой памяти и подковывал их, когда возникал особый случай. С гордостью Антон рассказывал сёстрам

и младшему брату, когда случалось быть дома на побывке, что раз ему довелось подковывать коня, представте только, самому Будённому.

В 1939 году Красная Армия закупила в Англии племенной жеребца, красавца английских кровей. Антон Михайлович потом рассказывал, что стоил этот конь денег немалослимых... И что же? Ухаживать за этим драгоценным скакуном поручили мне, Антону, как самому лучшему! По старой кавалерийской привычке взлетел Антон Михайлович в седло и с первого взгляда влюбился в коня, да и конь принял коваля без капризов. Вот тогда фотограф и сделал исторический снимок Антона на нежном "англинчанине".

Небезынтересно будет заметить в скобках, что впоследствии конь попал под седло Георгия Константиновича Жукова, сначала генерала, а с 1943 года — маршала Советского Союза.

Дело было в том, что возводилась "Линия Сталина" между СССР и Польшей с Литвой. Но в 1939 году Польша как государство прекратила своё существование, и у СССР с Германией появилась общая граница, но на 500 км западнее прежней. Старые оборонительные сооружения оказались в глубоком тылу Красной Армии. На новой границе началось возведение новой "линии", куда и стали переводить войска прикрытия, свозить вооружение и спецоборудование, часть из которого снимали со старой границы.

Сёстры Дубовики, привыкшие за несколько лет к жизнерадостному шуму и людности двух ДОТов, что стояли возле их села, к постоянным передвижениям нашей Красной Армии в окрестных лесах, к манёврам, к гомону, лошадям, смеющимся безлобызым бойцам, забегавшим купить молочка, к статным красавцам, одетым в

горела в нём, выливалась свинцовым потоком через бойницы ДОТа: "Вот вам, сволочи, получите".

Он был врага и матерился, понимая бесплодность своих попыток остановить неприятеля, заткнуть эту брешь в обороне, через которую лились полчища, лились, чтобы затопить кориничевой смертельной жижей его светлую Родину!

Десять минут герой в одиночку вёл бой с армией фашистов, всего десять минут... но каких!

Понимая невозможность пробить стены ДОТа, немецкий офицер послал разведчиков. По-пластунски под огнём пулемёта те добрались до бетонного сооружения. И закинули в бойницы гранаты.

Секунда — и убийственный вихрь огня и осколков закрутился в ДОТе...

Фашисты выжидали немного, встали на ноги, заглянули внутрь, проверяя, что наделапи их гранаты. Зрепиче внутри отчего-то заставило их оробеть. Тихо переговаривались, вернулись они к колонне, к тому времени уже поргузившей своих раненых и убитых на лафеты. Танки и мотоциклы взревели, колонна продолжила путь на восток.

Вечерело, но по дороге всё шла и шла, лилась и лилась река вражьей силы, но некому уже было её остановить, удержать.

Пала ночь. Сёстры Дубовики вместе с другими женщинами боязливо подобрались к тёмному и молчащему ДОТу. Осторожно они вынесли тело их знакомого, в смерти уже ставшего чужим и незнакомым, молодого бойца Красной Армии, павшего смертью храбрых на их глазах. Женщины вырыли могилу и похоронили солдата вместе с документами и всем, что у того было. А над холмиком посадили куст шиповника...

Утром в селе постоем встали немцы. Сёстры Дубовики украдкой достали из рамки новенькую фотографию брата Антоса во френче да на горячем коне и, завернув её в газеты, унесли в подпол, упрятали под кадушку. Всю войну пролежала там эта фотография и дождалась-таки своего часа, для Победы! Торжественно сёстры вытащили отсыревший и пожелтевший снимок из поргеба и вставили назад в рамку. А вскоре и сам Антон Михайлович пожаловал! Война пощадил а его и наградила молодой женой!

Мешая слёзы и смех, сидела большая семья за столом, перебирая воспоминания, взахлёб рассказывая о том и об этом. О том, как никто, никто, понимаешь ты, не сдал их немцам, не донёс, что их брат в Красной Армии, не нашлось такого предателя в селе! О том, как жили-выживали под немцами, как кормили партизан, как погиб тот солдатик в ДОТе... А после все вместе встали и отнесли букетик полевых цветов на безымянную могилку.

Эту историю поведал мне мой муж Сергей Антонович Дубовик, всё детство носившийся с ребятами села Гурь и притаскивавший букетики цветов и листьев к моему кусту шиповника у серых бетонных стен старого ДОТа.

Ирина ПИЧУГИНА

Боец Красной Армии Антон Михайлович Дубовик